

© Дука А.В.¹

Политический режим и возможности протестной активности

Аннотация. Успешность протестных (шире – общественных) движений определяется рядом внутренних и внешних для данных движений условий. Последние анализируются в рамках концепции «структуры политических возможностей». Реализация требований, так же, как и приход новых групп во власть, возможна не столько потому, что данные группы стремятся реализовать свою программу или оказаться во властных структурах, сколько потому, что имеют возможность это осуществить. В свою очередь возможности связаны как с внутриэлитными отношениями, так и с интенциями элитных групп; институциональной «восприимчивостью» к изменениям; ресурсами групп, бросающих вызов существующему политическому курсу. Одновременно они определяют формы активности, задавая ограничения на способы и методы действия. Важно различать политические системы, в которых осуществляется социальная активность. Открытые политические системы восприимчивы к требованиям социальных групп и населения в целом. В них структура политических возможностей выступает не только характеристикой условий социальной активности, но и структурной характеристикой механизма обеспечения воспроизводства и стабилизации са-

¹ Дука Александр Владимирович - кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург); alexander-duka@yandex.ru

мой системы. В (полу)закрытых системах, соотносимых с полудемократическими, гибридными и авторитарными режимами, стабилизация и воспроизводство базовых отношений обеспечиваются авторитарной консолидацией. В этом случае властные группы будут стремиться закрыть возможности, создавая ограничения и / или запреты на несанкционированную со стороны властных институтов и элит организованную деятельность, направленную на изменение (корректировку) политического курса.

Ключевые слова: протест, общественные движения, социальные движения, политический режим, политическая система, структура политических возможностей, элиты.

Протест является неотъемлемой частью жизни современного общества. Более того, в более широком плане, как утверждает Дэвид Мейер, «Движения социального протеста делают историю» [Meyer, 2004, p. 125]. Крупные антиправительственные протестные акции исчисляются сотнями, не очень масштабные протесты – тысячами. Часть протестов может носить достаточно болезненный и опасный для властных элит и политической системы характер. Естественно, что властные группы вырабатывают свои способы защиты. Так, например, в Великобритании в октябре 2022 г. палата общин приняла «Закон об общественном порядке». Как указывалось на правительственном сайте, «цель этого законопроекта – дать полиции инструменты, необходимые для борьбы с опасными и весьма разрушительными тактиками, используемыми небольшим меньшинством протестующих, чтобы сеять хаос среди людей в повседневной жизни. Меры в этом законопроекте направлены именно на это» [The Public Order ..., 2022]. В поддержку правительственной позиции приводились результаты социологического опроса относительно ужесточения полицейских мер в отношении экоактивистов (53% респондентов поддержали правительство) [Britons lose ..., 2022]. Однако в обществе возникло сильное противодействие этой законодательной инициативе. В результате палата лордов в январе 2023 г. большинством голосов не приняла в окончательном варианте законопроект, предложив существенные поправки [Public Order ..., 2023]. Эта история весьма показательна, поскольку демонстрирует общественную борьбу вокруг права на

протест и права государства на защиту (как это понимают государственные инстанции); прав протестующих и прав полиции. Одновременно здесь видны границы и возможности противодействующих сторон. Надо заметить, что такого рода конфликты возникают во многих странах.

Сложившаяся система взаимодействий в рамках политически организованного пространства обычно соотносится с политической системой. Политическая система в литературе определяется по-разному, что связано с теоретическими основаниями анализа и задачами исследования. В данном случае можно исходить из общего понимания ее как совокупности взаимодействующих по определенным правилам в различной степени институционализированных акторов по поводу распределения ресурсов. Это предполагает возможности использования как структурно-функционального подхода, так и институционального, культурного или какого-либо иного. Иногда политическую систему рассматривают как синоним политического режима [Хейвуд, 2005, с. 522]. Чаще режим выступает как элемент политической системы [Patterson, 1968, p. 189], ее спецификация или свойство [Higley, Burton, 2006, p. 15; Kailitz, 2013, p. 39]. Фактически как сторона части политической системы определяется политический режим Б. Мадьяром и Б. Мадловичем: «Институционализированный набор формальных и неформальных правил, упорядочивающих взаимодействие внутри центрального аппарата политической власти, а также его отношения с обществом» [Мадьяр, Мадлович, 2022, т. 1, с. 152].

В большинстве подходов фиксируется нормативная сторона взаимодействия политических акторов. Для части авторов существенным является вертикальная мобильность и наличие для нее ограничений. Другие исследователи делают упор на коммуникации между населением и иерархическими структурами. Важным аспектом представляется процесс формирования политического курса, включая доступ к нему, участие в принятии решений. В нашем случае будет оправдано рассматривать политический режим как совокупность устойчивых процедур, правил и практик формирования властных институтов и политического курса. В этом отношении политический режим является формой функ-

ционирования политической системы в конкретных пространственно-временных условиях.

Любая политическая система стремится к устойчивости и равновесию. Устойчивость политической системы связана с несколькими факторами. Во-первых, с внутренней согласованностью ее элементов. Во-вторых, с готовностью политических акторов поддерживать целостность системы. В-третьих, с легитимностью системы (что связано с предыдущим фактором). В-четвертых, с наличием и достаточностью ресурсов для функционирования системы и ресурсов, находящихся в распоряжении у антисистемных сил. В-пятых, с внешней средой, обстоятельствами и политикой внешних относительно системы акторов. В зависимости от характера (типа) политической системы внутренние структуры и институты, а также взаимодействие акторов по-разному будут влиять на устойчивость системы.

Для анализа важно различать открытые системы и (полу)закрытые. К первым относятся системы, допускающие организованное и институционализированное в рамках существующего законодательства давление на властные институты и элиты с целью изменения (корректировки) политического курса. Более того, система предполагает и поддерживает такого рода давление. В этом отношении государство и властные группы могут быть существенно ограничены в своем произволе. В таких системах функционируют различного типа демократические режимы, допускающие протестную активность.

Ко вторым относятся системы, в которых наличествуют существенные ограничения и / или запреты на несанкционированную со стороны властных институтов и элит организованную деятельность, направленную на изменение (корректировку) политического курса. Для такого рода систем характерны гибридные и авторитарные политические режимы.

В силу большой диверсификации современных обществ возникают проблемы, трудно устранимые в силу ограниченности ресурсов и различных представлений социальных групп по их эффективному использованию. Институциональный контроль над ресурсами со стороны властных элит и неравный доступ к ним

усугубляют ситуацию. Стремление повлиять на решение групп доминирования приводит зачастую к социально-политическим конфликтам. Вопросы, которые оппонирующие стороны ставят в этой связи, – что распределять и что относится к неоспоримым общественным благам, на которые есть права, кто должен (может) распределять и контролировать, как следует это делать (проблема законов, норм и процедур, и за этим стоит фундаментальный вопрос о том, как мы можем и должны жить), – естественным образом находят разные ответы. Взаимодействие граждан и организаций с властными инстанциями по поводу возникающих проблем составляет суть политического процесса.

Участие может носить индивидуальный, групповой и массовый характер. Далеко не всегда невластным участникам удастся в рамках формально организованного взаимодействия реализовать свои интересы. Неудовлетворенность политикой, решениями официальных инстанций выражается в политических протестах [Della Porta, Diani, 2006]. Протест может быть достаточно многообразен как по форме, так и по интенсивности, тактике и стратегии. В.В. Козловский выделил восемь типов протестных акций, причем каждый тип включает разнообразные формы действий, коих оказалось больше шестидесяти [Козловский, 1999, с. 112–113]. Автор выделяет четыре стратегии (наступательная, примирительная, оборонительная и имитационная), в рамках которых возможна активная или пассивная тактика.

Предложенная типология рассматривалась прежде всего для трудового конфликта. Однако в случае политического протеста эта классификация также применима. Вместе с тем возникает вопрос о выборе формы протеста. Исследователи указывают на фундаментальное значение политического контекста, характеристики политической системы и степень ее контроля над активностью населения. Здесь важно понимать, насколько публичное и политическое пространство открыто для реализации индивидуальных и групповых интересов и требований. Другими словами, насколько возможно что-то сделать и чего-то достичь.

У этой проблемы существуют два аспекта. Во-первых, возможности для реализации индивидуальных амбиций. Во-вторых,

возможности для социальных групп влиять на принимаемые решения, корректировать курс властных инстанций и изменять политику. В том и другом случае анализ возможен с использованием концепции «структуры политических возможностей». В обоих случаях при благоприятных обстоятельствах общественное движение (включая протестное) заканчивает цикл своего существования институционализацией. То есть вхождением лидеров движения во властные структуры в целях непосредственного воздействия на повестку институтов власти и / или принятием властными группами к исполнению основных требований протестующих. В том и другом случае движение прекращает свою «полевую» форму существования. Протест заканчивается. С этой точки зрения показательно, например, вхождение лидеров Ленинградского народного фронта в Ленинградский совет народных депутатов в качестве депутатов в результате выборов 1990 г. После этого ЛНФ фактически, потеряв своих лидеров и войдя во власть, закончил свое политическое существование. Схожая судьба была и у Московского народного фронта.

Применительно к индивидуальному продвижению концепт структуры политических возможностей используется не так часто. Он применяется в описании структурных факторов рекрутирования в элиту. Лестер Селигман [Seligman, 1961; Seligman, 1971], обращая внимание на персон, стремящихся исполнять политические роли, писал: «Тот, кто обладает ресурсами, способностями и мотивацией к политической активности, и кому не запрещено законом участие в политике, у того есть реальные возможности» [Seligman, 1971, р. 4]. Исследователь использовал логику политического рынка, на котором существует спрос и предложение.

Структура политических возможностей характеризует перечень предполагаемых в будущем и / или существующих в наличии вакансий в относительно стабильных властных институтах. У Джозефа Шлезинджера «структура политических возможностей» является важным фактором, определяющим уровень и интенсивность политических амбиций, с одной стороны, и возможность их реализовать – с другой [Schlesinger, 1966; Schlesinger, 1991]. Одновременно «структура политических возможностей» принци-

пиальным образом характеризует политическую и социальную систему. Однако автор делает различие между социальными и политическими возможностями [Schlesinger, 1991, p. 47].

Чаще концепт «структуры политических возможностей» используется в социологии общественных движений. Первое его упоминание Питером Эйзенгером в 1971 г. на конференции Американской ассоциации политической науки было связано с исследованием протестных городских движений и описывало открытость городских властей в отношении требований, идущих снизу. Помимо этого «исследовательские усилия приобретают теоретическую согласованность, если в первую очередь понимать, что переменные среды связаны друг с другом в том смысле, что они *устанавливают контекст*, в котором происходит политика. Связь этого контекста с моделями политического поведения становится очевидной, если элементы контекста воспринимаются как компоненты особой *структуры политических возможностей* сообщества» [Eisinger, 1973, p. 11].

Дальнейшее развитие эти идеи получили в рамках модели политического процесса [McAdam, 1982]. Концепт был переработан и стал широко применяться для обозначения «экзогенных условий» успешности общественных движений (Сидней Тэрроу). Под этими условиями понимаются: степень открытости или закрытости политической системы; наличие или отсутствие союзников и групп поддержки; внутриэлитные разногласия или терпимость элиты к протесту; политическая дееспособность правительства, т.е. его открытость политическому действию, что способствует или не способствует развитию общественных движений [Tarrow, 1988; также см.: Diani, Eyerman, 1992, p. 6].

В литературе встречается также более расширительное толкование указанных условий: «Структуры политических возможностей включают специфические конфигурации ресурсов, институциональные механизмы и исторические прецеденты социальной мобилизации, которые в одних случаях способствуют развитию протестных движений, а в других – сдерживают их развитие. Структуры политических возможностей влияют на выбор про-

тестной стратегии и на воздействие общественных движений на свое окружение» [Kitschelt, 1986, p. 58].

Некоторым обобщением можно считать описание данного концепта Д. Мейером: «Ключевым признанием с точки зрения политических возможностей является то, что перспективы активистов по выдвиганию конкретных требований, мобилизации сторонников и оказанию влияния зависят от контекста. Таким образом, политики должным образом направляют большую часть своего внимания на мир вне социального движения, исходя из того, что экзогенные факторы усиливают или препятствуют перспективам социального движения для (а) мобилизации, (б) продвижения одних требований, а не других, (в) культивирования одних союзов, а не других, (г) использования определенных политических стратегий и тактик, а не других, и (д) оказания влияния на основную институциональную политику и политический курс» [Meyer, 2004, p. 126]. Такой подход открывает перспективы понимания общественных движений и протестов, исходя не из них самих или представлений участников, а из понимания того, почему данное общество в данный момент может способствовать или не способствовать такого рода активности.

Фактическая пластичность концепта, его открытость для интерпретаций и рассмотрение внешних факторов предопределили его использование при анализе широкого круга явлений. Вальстрём и Петерсон при исследовании взаимоотношений между бизнесом и внешними по отношению к нему заинтересованными акторами, такими как общественные движения, совместили две исследовательские традиции – теорию общественных движений (в варианте структуры политических возможностей) и теории корпоративной социальной ответственности [Wahlström, Peterson, 2006]. Стивенсон и Гринберг использовали концепт «структуры политических возможностей» в исследовании принятия решений и деятельности городских властных структур в рамках сетей межорганизационных взаимоотношений [Stevenson, Greenberg, 2000]. Гледич и Руггери изучали влияние структуры политических возможностей на побуждение к насилию и гражданской войне и сохранению демократии [Gleditsch, Ruggeri, 2010]. Эти исследова-

тельные примеры демонстрируют возможности данного направления анализа и его открытость для разного рода интерпретаций.

Структура политических возможностей в контексте политических режимов

Исследователи отмечали «противоречие между идеей политических возможностей и определением социального движения. Люди участвуют в нетрадиционной политике социальных движений именно потому, что у них нет доступа к институтам и внутренней работе правительства; у них нет политических возможностей, которые предоставляются лицам, обладающим богатством и хорошими связями, и поэтому они должны добиваться перемен неинституциональными средствами, например, через общественное движение» [Peoples, 2019, p. 26]. Это в полной мере относится к протестному движению как разновидности или специфической тактике общественного движения. Получается в некотором роде замкнутый круг. Однако, как говорилось ранее, сама система открывает возможности, продуцируя бреши в своей обороне. Прежде всего речь идет о внутреннем состоянии элитного сообщества. Элита в современном обществе не однородна. Это связано с особенностями эпохи модерна, с характерной для нее социально-экономической диверсификацией и появлением массового общества.

Карл Мангейм писал о растущем числе элитных групп, даже об их диффузии [Манхейм, 1994, с. 314]. Естественным следствием этой ситуации является появление внутриэлитных конфликтов и разногласий. У несогласных или протестующих могут появиться сочувствующие во властных структурах. К тому же различные фракции элиты или контрэлиты могут использовать общественные движения в своих целях. Наиболее отчетливо это проявляется во время кризисных ситуаций [Зелетдинова, 2013]. Протест является одной из возможных реакций на кризис, если его рассматривать как «максимальную неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования» [Дука, 2022, с. 7]. С точки зрения общества и отдельных социальных групп это означает невозможность реализации их интересов вследствие проводимой политики. При этом интересы и потребности могут носить как материальный, так и

культурный, религиозный, идеологический характер. Возникает давление на институты и группы, контролирующие ресурсы и принимающие решения по их использованию. Однако в разных политических системах это давление происходит с разной эффективностью и в различных формах. Для разных элитных групп данная ситуация открывает возможности по увеличению своего контроля над ресурсами и снижению влияния конкурентов. В экстремальном случае возможны переформатирование власти и приход новых групп доминирования во властные институты.

Также имеют место протестные акции, направленные против действий, ущемляющих интересы «союзов» внутри страны и за рубежом. Выступления солидарности могут быть направлены и против политики своего правительства, не проводящего нужную политику.

Реализация требований протестующих, включая приход новых групп во власть, возможна не столько потому, что данные группы стремятся реализовать свою программу или оказаться наверху, сколько потому, что имеют возможность сделать это. Что, в свою очередь, связано как с внутриэлитными отношениями, так и с намерениями элитных групп; институциональной «восприимчивостью» к изменениям; ресурсами групп, бросающих вызов существующему политическому курсу. В этом случае важная роль принадлежит государству. Как отмечают исследователи, «...политические возможности играют центральную роль в возникновении и развитии социальных движений, и <...> эти возможности в первую очередь структурированы организацией государства, сплоченностью и расстановкой сил внутри политических элит, а также структурой, идеологией и составом политических партий» [Jenkins, Klandermans, 1995, p. 4].

В общем плане возможности доступа к государственным структурам для реализации групповых и / или индивидуальных целей определяются набором факторов. Во-первых, принципиальной готовностью системы принять новых людей и новшества. В этом отношении лидеры организаций общественных движений, известные политики (включая перебежчиков из элиты) получают дополнительные шансы. Во-вторых, должны существовать «точки

доступа», открытые существующими или создающимися процедурами (например, избирательное право и выборы). В-третьих, особым режимом доступа, включающим формальные и неформальные правила, стратегии, ориентации властных элит на допуск (включение / исключение) новых людей. В-четвертых, условиями доступа, наиважнейшим из которых является раскол в элитах.

Как уже говорилось выше, роль государства является существенной. В связи с этим именно возможный доступ к государству и его институтам отражает характеристики самого государства. В таблице в связи с формальной институциональной структурой государства рассматриваются факторы доступа и стратегии противостоящих сторон. Х. Кризи, выделивший приводимые факторы, указывает на их значимость при рассмотрении структуры политических возможностей [Kriesi, 1995, p. 171]. В данном случае рассматривается возможность применения теории к российскому случаю.

Таблица

Формальный доступ к государству. Применение теории

Факторы (по Hanspeter Kriesi)	Стратегия властных групп и результативность	Возможности и стратегии общественных движений и контрэлит
1	2	3
1. Уровень территориальной централизации. Чем выше уровень децентрализации, тем выше степень формального доступа. Децентрализация предполагает многочисленные точки доступа.	Централизация	Низкие возможности. Расширение региональной автономии. Борьба за федерализм.
2. Степень функциональной концентрации государственной власти. Чем выше степень разделения власти между исполнительной властью, легислатурой и судебной властью, т.е., чем более развита система сдержек и противовесов, тем выше степень формального доступа.	Концентрация власти	Низкие возможности. Борьба за автономию властей.

1	2	3
3. Слаженность государственного управления. Чем выше степень слаженности и внутренней координации, тем более ограниченным является формальный доступ.	Стремление повысить Низкая результативность	Стремление проникнуть в структуры управления и / или повлиять на них
4. Чем выше степень профессионализации государственного управления, тем более ограниченным является формальный доступ. Фрагментация, недостаток или отсутствие внутренней координации, недостаток профессионализации увеличивает число точек доступа.	Стремление повысить Низкая результативность	Стремление проникнуть в структуры управления и / или повлиять на них
5. Степень институционализации процедур прямой демократии. С точки зрения тех, кто бросает вызов, самой важной процедурой прямой демократии является право народа на законодательную инициативу (референдум).	Минимизация возможностей прямой демократии	Не рассматривается

Формальный анализ показывает достаточно низкий уровень политических возможностей по получению доступа к государству и его структурам. Надо отметить, что первые два фактора действуют в сторону повышения возможности мобилизации социально активных граждан. Но в целом возможная результативность невысока.

Продуктивным представляется рассмотреть различие между политическими режимами, выступающими как существенный элемент экзогенных условий. Но вначале необходимо предупреждение. Предлагаемое аналитическое разделение систем и режимов намеренно не учитывает многообразие конкретных форм организации политических институтов и действий политических акторов. Это некоторая абстракция, позволяющая принципиально рассмот-

реть различия во взаимоотношениях общественных инициатив и властных структур (элит и институтов).

Открытые политические системы / демократические политические режимы

На рис. 1 показана схема реакции властных групп и институтов в открытых политических системах на кризис и возникшие требования социальных групп.

Рис. 1. Политические возможности в открытых политических системах

На рис. 1 изображена реакция на кризисную ситуацию, демонстрирующая активность акторов различного уровня. Схема многое упрощает, но дает возможность увидеть картину взаимодействия акторов и институтов. Кризис затрагивает всех, но по-разному. Депривация населения влияет на активизацию общественных движений, способствуя их созданию [Гарр, 2005]. Конечно, движения и протесты могут возникать и не в связи с депривацией. Например, «новые общественные движения» – антиядерное, антивоенное, градозащитное – имеют иную природу. Кроме того, депривация может быть вызвана не кризисом, а национальным,

религиозным или иным угнетением. Но принцип остается тот же. Снижение экономической активности естественным образом связано с финансово-экономической ситуацией. На последнюю может влиять демографический кризис или внешнеполитический курс. В этом отношении бизнес-сообщество имеет собственные основания для активности и выдвижения требований властным структурам, а также переноса деловой активности в иные юрисдикции.

Различные элитные группы могут быть по-разному задеты изменением ситуации. Отсюда возникают конкурирующие программы по стабилизации системы, что может усиливать внутриэлитные разногласия, которые начинают действовать как важный фактор, открывающий возможности для низовых групп и политико-гражданского общества реализовать свои интересы. Возможность действовать в публичном пространстве является существенным условием для акций прямого действия, формирования протестных организаций и электоральной мобилизации. Выбор активной или пассивной тактики во многом зависит от возможной поддержки со стороны различных социальных групп населения, а также от историко-культурного опыта и структуры культурных возможностей (существует ли готовность к политической активности и позволено ли так поступать, исходя из традиций и культурных норм). Успех социально-гражданских инициатив зависит не только от готовности и активности граждан, но и от состояния властных групп, их возможности и желания создавать коалиции с разными акторами и идти на компромиссы.

Немаловажное значение имеет институциональная готовность: институты власти должны быть готовы «принимать» требования. В этом отношении структура политических возможностей выступает определенным внутренним механизмом. Значение его, прежде всего, в обеспечении обратной связи между властными группами, государством и населением. Это, конечно, не означает, что все требования могут быть позитивно встречены и удовлетворены. Всё зависит от их соответствия системе и ее адаптивности. Структура политических возможностей в условиях слабых демократических институтов может способствовать усилению внутренних конфликтов. В свою очередь демократический режим снижает

вероятность гражданских конфликтов. Структура политических возможностей в этом случае является не только фактором и условием реализации целей общественных движений, но и элементом демократии. Другими словами, она приобретает институциональный характер.

Закрытые политические системы / полудемократические, гибридные и авторитарные политические режимы

Стабильность и воспроизводство данных систем обеспечивается иными механизмами. Между тем надо отметить, что элементы демократического согласования и переговоры в различных сегментах осуществляются и здесь. Впрочем, как и в демократических режимах, присутствует жесткое администрирование и «продавливание» интересов властных элит.

Абсорбция требований – вариант институционализации требований, но здесь ведущий субъект деятельности – властные элиты. Они не соглашаются и не уступают, а представляют требования как свои решения.

Рис. 2. Политические возможности в закрытых политических системах

Так же как и в предыдущем варианте, спрос на альтернативы существующему курсу возникает. Однако население ограничено в своем давлении как на существующие организации гражданского

общества и политические партии, так и на властные группы. Это же относится и к организованным публичным акторам. В силу опоры элит в такого рода режимах на ограниченные социальные группы и слабости институтов обратной связи снижение социально-политической поддержки может переживаться группами доминирования не столь остро. Более существенным может оказаться угроза оттока капитала. Но ее можно купировать административными мерами. Собственно, социально-гражданская активность наталкивается на коммуникационные фильтры, а также на стремление режима демонстрировать стабильность и солидарность. В этом отношении практикуется перехват инициатив в законодательных предложениях, административных реформах, корректировках политической повестки от лица правящих групп, что, например, в нашей политической реальности мы можем наблюдать, а также инициация государственными структурами создания НКО и партий [Цепилова, 2022, с. 113]. Здесь мобилизация групп населения в поддержку активности доминирующих властных групп по корректировке курса служит важным механизмом легитимации не только политики, но и самих элит. Сохранение власти в своих руках является безусловной для них ценностью. И возможный отток капитала, и межфракционные трения могут действовать в условиях наличия доминирующей группы как факторы, стимулирующие сплочение. Внутри элитного сообщества происходит авторитарная консолидация. Предлагаемые программы действий согласуются прежде всего в рамках административного и кулуарного переговорного процесса.

Очевидно, что далеко не все требования могут быть удовлетворены. Тем более что большинство публичных акторов не допускаются к принятию решений. Население минимально участвует в реальном обсуждении возможных решений. При этом властные группы стремятся сохранить значимость формальных процедур, что обеспечивает им легитимность. Если неформальные ограничения существенно превосходят формальные, то это может приводить к относительной политической депривации и может быть причиной антисистемных выступлений, если активная часть населения имеет большие ожидания или амбиции. Особенно если

официальный дискурс делает акцент на открытости системы. При безуспешности попыток изменить ситуацию и закреплении такого опыта возникает феномен «внутренней эмиграции». Протест и несогласие превращаются в самоизоляцию от внешнего социально-политического мира при резком его неприятии, и возникает «жизнь в двух разных мирах, не имеющих точки соприкосновения. Это – служба и жизнь за пределами службы» [Редлих, 1972, с. 52]¹.

Если властные группы предотвращают раскол в своих рядах и снижают уровень конкуренции, а также сохраняют контроль над ключевыми государственными институтами, особенно силовыми, то регулируемые ограниченные возможности для активности «несогласных» допускаются, но при этом автономное элитное принятие решений (также как и аналитическо-экспертная его подготовка) сохраняется.

Вместе с тем надо иметь в виду наличие внешнего фактора. В отдельных случаях внешний актор может принудить национальную элиту к открытию возможностей для оппозиции. Так, например, как указывают исследователи, в 2019 г. в Молдове «казалось, что мафиозное государство [Владимира] Плахотнюка не подвержено внутренним атакам, но оно, очевидно, ничего не смогло поделать с уязвимостью страны перед иностранным вмешательством. В этот драматический момент интересы США, Европы и России совпали по очень разным причинам. Плахотнюк был вынужден отойти от власти» [Мадьяр, Мадлович, 2022, т. 2, с. 636–637]. Известны и менее масштабные изменения, касающиеся конкретных акций протеста, которые тем не менее приводили к существенным последствиям.

Заключение

Протестная активность, будь то организованная в рамках общественных движений или разворачивающаяся стихийно, зависит от экзогенных условий, частью которых является структурирование публичного пространства. Наиболее значимой для возможности предъявлять требования, вырабатывать программы по их реализации, создавать коалиции и действовать является политиче-

¹ Подробно о феномене см.: [Редлих, 1972, с. 50–56; Будницкий, Зеленина, 2014, с. 8–17].

ская сфера. Ее организация во многом определяет судьбу социальной активности. Структура политических возможностей в открытых политических системах не только описывает шансы социальных движений, условия и факторы, обеспечивающие возможность достижения акторами вхождения во власть и / или влияния на властные структуры. Она действует как внутренний механизм политической системы, обеспечивающий ее стабилизацию через упорядочение механизмов обновления власти, включение требований социальных групп в повестку дня, снижение внутренней конфликтности, адаптацию политики и политических институтов к изменяющимся условиям.

В условиях полудемократических, гибридных и авторитарных режимов структура политических возможностей может действовать дисфункционально, усиливая вероятность гражданских конфликтов. Стабилизация в такого рода режимах обеспечивается иным механизмом – авторитарной консолидацией. В этом случае властные группы будут стремиться закрыть пространство возможностей. Реализация интересов социальных групп осуществляется в этих условиях не столько через открытое (в том числе протестное) заявление требований, сколько через встраивание в систему. Но это при условии отсутствия значимых элитных расколов.

Предложенный анализ с использованием понятия «структуры политических возможностей» не может быть признан всеобъемлющим. Тед Гарр в предисловии к русскому изданию своей книги «Почему люди бунтуют» пишет, что его исследование посредством концепта «относительной депривации» подверглось критике другими авторами, предложившими начинать анализ с изучения социальных и политических структур (Скокпол); политической мобилизации (Тилли); массовых социальных движений (Тарроу) [Гарр, 2005, с. 31]. Тем не менее он полагает, что при всех недостатках его подход остается релевантным. Представляется, что все авторы в определенной мере правы, поскольку каждый рассматривает реальность, но в определенном ракурсе. Также и данный текст освещает лишь часть истины, которая находится где-то рядом.

Литература / References

Будницкий О.В., Зеленина Г.С. (2014). Идеинный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О.В. Будницкий. – 2-е изд. – Москва : РОССПЭН. – С. 4–62. [Budnitsky O.V., Zelenina G.S. (2014). Ideological collaborationism during the Great Patriotic War [*Ideynny kollaboratsionizm v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*] // “Happened. The Germans are here!” Ideological collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War / Comp. and ed. by O.V. Budnitsky. – 2 nd ed. – Moscow : ROSSPEN. – P. 4–62] (In Russian).

Гарр Т.Р. (2005). Почему люди бунтуют / пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер. – 461 с. [Gurr T.R. (2005). Why men rebel [*Pochemu lyudi buntuyut*] / Transl. from English. – St. Petersburg : Piter. – 461 p.] (In Russian).

Дука А.В. (2022). Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. – Санкт-Петербург – Т. 9, № 1. – С. 5–36. [Duka A.V. (2022). Elites in a crisis society [*Elity v krizisnom obshchestve*] // Power and elites. – St. Petersburg. – Vol. 9, N 1. – P. 5–36] (In Russian). DOI: 10.31119/pe. 2022.9.1.1

Зелетдинова Э.А. (2013). Экономический кризис и протестное поведение в России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – № 2. – С. 19–30. [Zeletdinova E.A. (2013). Economic crisis and protest behavior in Russia [*Ekonomicheskiiy krizis i protestnoye povedeniye v Rossii*] // Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. – N 2. – P. 19–30] (In Russian).

Козловский В.В. (1999). Трудовой конфликт как форма социального протеста // Социальный протест и трудовой конфликт / под ред. В.В. Козловского. – Санкт-Петербург : Петрополис. – С. 110–114. [Kozlovskiy V.V. (1999). Labor conflict as a form of social protest [*Trudovoy konflikt kak forma sotsial'nogo protesta*] // Social protest and labor conflict / Ed. by V.V. Kozlovskiy. – St. Petersburg : Petropolis. – P. 110–114] (In Russian).

Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы : концептуальная структура / пер. с англ. Ю. Игнатьевой ; под ред. А. Решетникова. – Москва : НЛЮ. – Т. 1. – 744 с. ; Т. 2. – 888 с. [Magyar B., Madlovics B. (2022). Postcommunist regimes. A conceptual framework [*Postkommunisticheskiye rezhimy: kontseptual'naya struktura*]. – Moscow : NLO. – Vol. 1. – 744 p. ; Vol. 2. – 888 p.] (In Russian).

Манхейм К. (1994). Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. – Москва : Юрист. – С. 277–411. [Mannheim K. (1994). Man and society in an age of reconstruction [*Chelovek i obshchestvo v epokhu preobrazovaniya*] // Mankhey K. Diagnosis of our time / Transl. from German and English. – Moscow : Yurist. – P. 277–411] (In Russian).

Редлих Р. (1972). Советское общество. – 2-е изд. – Франкфурт-на-Майне : Посев. – 240 с. [Redlich R. (1972). Soviet society [*Sovyuetskoye obschestvo*]. – 2 nd ed. – Frankfurt/Main : Possev-Verlag. – 240 p.] (In Russian).

Хейвуд Э. (2005). Политология. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА. – XVIII, 525 с. [Heywood A. (2005). Politics [*Politologiya*] / Transl. from English. – Moscow : UNITY-DANA. – xviii, 525 p.] (In Russian).

Цепилова О.Д. (2022). От институционализации к политизации : сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России // Власть и элиты. – Т 9, № 2. – С. 96–121. [Tsepilova O.D. (2022). From institutionalization to politicization : a comparative analysis of the emergence and development of Green parties in Western Europe and the political wing of the Green Movement in Russia [*Ot institucionalizacii k politizacii: sravnitel'nyj analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonyh partij Zapadnoj Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii*] // Power and elites. – Vol. 9, N 2. – P. 96–121] (In Russian). <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>

Della Porta D, Diani M. (2006). Social movements : an introduction. – 2 nd ed. – Malden (MA); Oxford (UK) : Blackwell Publishing. – ix, 345 p.

Diani M., Eyerman R. (1992). The study of collective action : introductory remarks // Studying collective action / ed. by M. Diani, R. Eyerman. – London ; Newbury Park ; New Delhi : Sage Publications. – P. 1–21.

Eisinger P.K. (1973). The conditions of protest behavior in American cities // American political science rev. – Vol. 67, № 1. – P. 11–28. <https://doi.org/10.2307/1958525>

Gleditsch K.S., Ruggeri A. (2010). Political opportunity structures, democracy, and civil war // J. of peace research. – Vol. 47, N 3. – P. 299–310.

Higley J., Burton M. (2006). Elite foundations of liberal democracy. – Lanham : Rowman & Littlefield Publishers. – vii, 229 p.

Jenkins J.C., Klandermans B. (1995). The politics of social protest // The politics of social protest : comparative perspectives on states and social movements / Ed. by J.C. Jenkins, B. Klandermans. – London : UCL Press. – P. 3–13.

Kailitz S. (2013). Classifying political regimes revisited : legitimation and durability // Democratization. – Vol. 20, N 1. – P. 39–60. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738861>

Kitschelt H. (1986). Political opportunity structures and political protest : anti-nuclear movements in four democracies // British j. of political science. – Vol. 16, N 1. – P. 57–85. <https://doi.org/10.1017/S000712340000380X>

Kriesi H. (1995). The political opportunity structure of new social movements : its impact on their mobilisation // The politics of social protest / ed. by J.C. Jenkins, B. Klandermans. – London : UCL Press. – P. 167–198.

Maddox D. (2022). Britons lose patience with eco-extremists 'Making everyone's life a misery' // Express. – London. – 16.04. – URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1597032/Britons-eco-extremists-green> (date of access: 10.04.2023).

McAdam D. (1982). Political process and the development of Black insurgency, 1930–1970. – Chicago : University of Chicago Press. – VIII, 304 p.

Meyer D.S. (2004). Protest and political opportunity // Annual rev. of sociology. – Vol. 30. – P. 125–145. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1146/annurev.soc.30.012703.110545>

Meyer D.S., Minkoff D.C. (2004). Conceptualizing political opportunity // Social forces. – Vol. 82, N 4. – P. 1457–1492. <http://dx.doi.org/10.1353/sof.2004.0082>

New social movements in Western Europe : a comparative analysis. (1995) / Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J.W., Guigni M.G. – London : UCL Press. – xxvi, 311 p.

Patterson S.C. (1968). The political cultures of the American States // The j. of politics. – Vol. 30, N 1. – P. 187–209. <https://doi.org/10.2307/2128314>

Peoples C.D. (2019). Classical and contemporary conventional theories of social movements // The Palgrave Handbook of social movements, revolution, and social transformation / ed. by B. Berberoglu. – London : Palgrave Macmillan. – P. 17–34. https://doi.org/10.1007/978-3-319-92354-3_2

Public Order Bill. Information relating to the Public Order Bill introduced in the House of Commons on 11 May 2022. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/public-order-bill-overarching-documents> (date of access: 15.02.2023).

Public Order Bill: Peers defeat plans to curb protest disruption. (2023) // BBC News. – 07.02. – URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-64561868> (date of access: 10.04.2023).

Schlesinger J.A. (1966). Ambition and politics : political careers in the United States. – Chicago : Rand McNally and Co. – XV, 226 p.

Schlesinger J.A. (1991). Political parties and the winning of office. – Ann Arbor : University of Michigan Press. – VIII, 232 p.

Seligman L.G. (1961). Political recruitment and party structure : a case study // American political science rev. – Vol. 55, N 1. – P. 77–86. <https://doi.org/10.2307/1976051>

Seligman L.G. (1971). Recruiting political elites. – New York : General Learning Press. – 22 p.

Smith J., Fetner T. (2007). Structural approaches in the sociology of social movements // Handbook of social movements across disciplines / Ed. by

B. Klandermans, C. Roggeband. – New York : Springer International Publishing. – P. 13–57. http://dx.doi.org/10.1007/978-0-387-70960-4_2

Stevenson W.B., Greenberg D. (2000). Agency and social networks : strategies of action in a social structure of position, opposition, and opportunity // *Administrative Science Quarterly*. – Vol. 45, N 4. – P. 651–678. <http://dx.doi.org/10.2307/2667015>

Tarrow S. (1988). National politics and collective action. Recent theory and research in Western Europe and the USA // *Annual rev. of sociology*. – Palo Alto. – Vol. 14. – P. 421–440. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.14.080188.002225>

The Public Order Bill. Information relating to the Public Order Bill introduced in the House of Commons on 11 May 2022. (2022). – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/public-order-bill-overarching-documents> (date of access: 15.02.2023).

Wahlström M., Peterson A. (2006). Between the state and the market : expanding the concept of 'political opportunity structure' // *Acta Sociologica*. – Vol. 49, N 4. – P. 363–377. <http://dx.doi.org/10.1177/0001699306071677>

DOI: 10.31249/ape/2023.03.02

© Duka A.V.¹

Political regime and opportunities for protest activity

Abstract. *The success of protest (and, more broadly, social) movements is determined by a number of internal and external factors for those movements. The latter are analyzed within the concept of "political opportunity structure". The implementation of the requirements, as well as the emergence of new groups in power, is real not so much because these groups strive to implement their program or find themselves in power structures, but with the opportunity to do so. These opportunities are associated both with intra-elite relations and with the intentions of elite groups; institutional "sensitivity" to change; resources of groups challenging the existing political course. At the*

¹ **Duka Aleksandr Vladimirovich** – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); alexander-duka@yandex.ru

same time, they determine the forms of activity, setting restrictions on the ways and methods of action. It is important to differ among the political systems in which social activity takes place. Open political systems are receptive to the demands of social groups and the whole population. In them, the political opportunity structure is not only a characteristic of the conditions of social activity, but also a structural characteristic of the mechanism for ensuring the reproduction and stabilization of the system itself. (Semi-) closed systems, correlated with semi-democratic, hybrid and authoritarian regimes, the stabilization and reproduction of basic relations is ensured by authoritarian consolidation. In this case, power groups will seek to close opportunities, by creating restrictions and / or prohibitions on organized activities unauthorized by government institutions and elites aimed at changing (correcting) the political course.

Keywords: *protest, social movements, political regime, political system, political opportunity structure, elites.*

Статья поступила в редакцию (Received) 15.03.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 28.03.2023

Принята к публикации (Accepted) 03.04.2023